

К 100-летию НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2014.03.001–002. 1914–2014: КАК ОТМЕТИТЬ ГОДОВЩИНУ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ? ВЗГЛЯД ИЗ ФРАНЦИИ. (Сводный реферат).

2014.03.001. ЗИМЕ Ж. Великая война как рассказ об истоках.

ZIMET J. La grande guerre reste un récit des origines // Débats. – P., 2013. – P. 123–136.

2014.03.002. ПРОСТ А. Отмечать, не искажая. Война 1914–1918 гг. как великое событие.

PROST A. Commémorer sans travestir. La guerre de 1914–1918 comme grand événement // Débats. – P., 2013 – P. 137–144.

Ключевые слова: Первая мировая война; годовщина Великой войны; современные интерпретации.

Журнал «Débats» дает слово организаторам предстоящих празднеств, посвященных 100-летию Первой мировой войны. Как показывает опыт, годовщина далеко не сводится к официальным торжествам, но представляет собой важный момент кристаллизации общественной памяти. Жозеф Зиме, директор Миссии Столетней годовщины, излагает основные направления празднования. Антуан Прост, историк, профессор Парижского университета, возглавляющий научную комиссию той же Миссии, останавливается на спорных моментах современной интерпретации этого события.

Ж. Зиме предлагает структурировать размышление о войне вокруг пяти больших тем: международная тема, где первое место принадлежит Франции; культурная тема, поскольку сегодня память о Великой войне стала памятью преимущественно культурного порядка; педагогическая тема как проблема передачи этой памяти будущим поколениям; мемориальная тема, особо важная для французского общества, хранящего память о 1914–1918 гг.; туристическая тема, важная для страны, куда хлынут миллионы посетителей

для осмотра полей битвы и военных кладбищ. Что касается пространственно-временных рамок этого исключительного празднования, то Зиме предложил разделить его на три части: 2014 г. – начало, 2015–2017 гг. – децентрализованное развитие событий, 2018 г. – заключительный момент торжества.

«Франция имела печальную привилегию быть полем битвы мировой войны, – продолжает директор Миссии. – Это главная проблема для нашей страны, которая должна достойно принять представителей и туристов из стран – основных участниц войны. В течение четырех лет Франция будет центром беспрецедентных мемориальных празднований, которые развернутся преимущественно на ее территории» (001, с. 11). Разумеется, не стоит недооценивать другие фронты войны – на Востоке, Балканах, в Альпах, на море, в Африке – и последствия войны для стран, не участвовавших в конфликте, тем более, что историки подчеркивают чрезмерное внимание к Западному фронту. Франция намерена отмечать весь юбилейный период с 2014 до 2018 г. Инициативы исходят от большинства местных департаментов, которые уже создали организационные комитеты по отмечанию 100-летия начала Первой мировой войны.

100-летняя годовщина – событие международное, и автор останавливается на подготовке к нему в разных странах. Подготовку в Германии автор образно определяет как пейзаж «на двух скоростях». Если на федеральном уровне власти не торопятся, то земли (Länder), более склонные к осознанию истории «долговременной протяженности» (*longue durée*, по Броделю), вот уже два года как готовятся отмечать 2014 год. Готовится не менее сотни культурных и научных проектов, которые земли представят публике. Таким образом, впервые Великая война станет темой общественных дебатов в Германии, где ранее первенствовала Вторая мировая война. «Желая идти рука об руку с Германией в этом праздновании, Франция не должна ставить акцент на победе в войне в 1918 г., но подчеркивать совместный опыт, экономический, социальный, промышленные и демографические последствия Великой войны. Чтобы достичь этого, не искажая истории, следует показывать, что сегодня уже нет ни победителя, ни побежденного в этой общей катастрофе» (001, с. 13). В целом несмотря на имеющиеся различия в подходах, страны ЕС стремятся избежать раздражающего разде-

ления на страны-победители (Франция, Великобритания) и страны, потерпевшие в Первой мировой войне поражение (Германия, Австрия, Венгрия).

Так, Австрия объективно заинтересована в том, чтобы привлечь к торжествам как можно больше стран, входивших в состав Австро-Венгерской монархии, а также использовать юбилей для увеличения евроинтеграционных процессов в Балканских странах. Поэтому австрийская сторона предлагает провести саммит стран Евросоюза в конце июля 2014 г. в городе Сараево (Босния и Герцеговина). В боснийской столице планируется грандиозный концерт Венской филармонии. О своих планах по освещению событий столетней давности уже объявил ведущий австрийский телеканал ORF. Планируется, что на его экраны выйдут художественные и документальные фильмы, концертные программы и дискуссии, посвященные юбилею.

Грандиозный культурный проект под названием «Сараево – сердце Европы» предлагает провести в июле 2014 г. Франция. Такая мера должна символизировать окончательное примирение народов стран ЕС. Так, в период между 21 и 28 июля 2014 г. в боснийской столице планируются многочисленные культурные проекты и научные конференции. В программе проекта – кинофестиваль, джазовый фестиваль, арт- и музейные мероприятия, спортивные соревнования.

Великобритания, Бельгия и Россия придают особое значение годовщине. Британский премьер-министр Д. Кэмерон назвал празднование годовщины «событием историческим» для его страны. Он отметил, что кабинет министров стремится «развивать национальную память, достойную этого исторического столетнего юбилея» (001, с. 125).

В Бельгии ситуация сложнее, в связи с федерализацией страны. Особенную активность проявляет ее автономная часть – Фландрия. Территория этой страны стала ареной трех крупных баталей в 1915 г. Здесь в 1917 г. в ходе жестокой борьбы за г. Ипр впервые было применено химическое оружие – горчичный газ, сегодня известный как иприт. Как и Франция, Бельгия вписывает годовщину в международный контекст и готовится принять на своей земле в 2014–2018 гг. представителей многих стран – участниц войны.

Россия в праздновании годовщины ставит весьма ясную цель: вновь обрести 1914 год, освобожденный от давящего груза советской историографии. Для нее речь идет о подлинно ревизионистском проекте, который состоит в том, чтобы показать Россию в войне в новом свете. Этот проект не прост, поскольку сейчас Россия не располагает, помимо Калининграда, полями сражений, так как теперь все они находятся за ее границами. Она будет стремиться показать свою верность франко-русскому союзу 1892 г. и почитит память своих бойцов в Шампани, где с 1916 г. воевал Экспедиционный корпус Российской императорской армии во Франции (001, с. 131).

Соединенным Штатам предстоит решить сложную задачу: как примирить их статус великой державы с тем фактом, что они вступили в войну лишь в 1917 г. Если они намерены участвовать в юбилее начиная с 2014 г., то смогут опереться на память о своих гражданах, воевавших во Франции в эскадрилье Лафайет. Они найдут также хороший прием в портах Атлантического побережья Франции.

Другая группа стран объединяет европейские нации, рожденные или созданные мирными договорами или статьями Вильсона и получившие доступ к национальному суверенитету после урегулирования конфликта. Отмечать годовщину готовятся чехи, словаки и сербы.

В заключение автор останавливается на «парадоксальном», по выражению А. Проста, аспекте отмечаемой годовщины Великой войны. Она демонстрировала подъем национального патриотизма, в жертву которому принесены миллионы жизней и который в настоящее время уже не вдохновляет граждан Евросоюза. «Сегодня среди как победителей, так и побежденных распространена идея, что война означала коллективное самоубийство Европы. Вопрос о патриотизме сегодня, когда гражданин отвернулся от “национального государства”, в момент, когда индивид уже не расположен умереть за родину, мы отмечаем период, когда государство требовало от своих граждан огромных жертв – 8 млн мобилизованных французов, 1 млн 400 тысяч погибших и связанные с этим все немыслимые страдания. Оглядываясь на то время, отделенное от нас столетием, с изумлением и ужасом, как на нечто немыслимое, мы видим в этом жестокий парадокс, до такой степени мы отдалены сегодня от такого отношения к нации. Трудно извлечь из этого ка-

кой-либо иной урок, кроме проявления уважения к павшим и поддержания некоего духа самообороны внутри французского общества. Тем не менее историческую преемственность трудно обосновать, так как сегодняшний гражданин больше не призывается защищать родину, которая, к тому же, не находится в опасности. Те, кто умирает за Францию в наши дни, – это профессионалы, воюющие далеко от наших границ» (001, с. 132–133).

В заключение директор Миссии высказывает убеждение, что траурные чувства, связанные с памятью о войне, не станут преобладающими. Это покажется «парадоксальным», замечает он, но им сопутствуют чувства «воодушевления и гордости». «Это было тяжелое испытание великого народа», «ностальгия по моменту национального единства» – не в этом ли сила и мощь 1914 г. для коллективной памяти? (001, с. 136).

Для подготовки и проведения столетней годовщины Первой мировой войны, отмечается в статье А. Проста (002), правительство создало Миссию, включающую научный совет. Он объединяет признанных историков, французских и иностранных, а также представителей мира культуры, музеев, архивов, средств массовой информации и т.д. Но это совещательная инстанция, которая ограничится функцией координации, с тем чтобы избежать упрощений, преувеличений, неверных интерпретаций.

Первое искажение заключалось бы в попытке свести Великую войну к конфликту между Францией и Германией. Риск значителен, поскольку после войны 1870 г. обе страны считали себя непримиримыми врагами. Мы включаем войну 1914–1918 гг. в хронологический ряд, ведущий от 1870 к 1940 г., в котором она является основным эпизодом трижды повторенного одного и того же конфликта.

Парадоксально, что долгая история сближения между Францией и Федеральной Германией, от заявления Шумана 1956 г. до договора 1984 г. де Голля–Аденауэра способствовала представлению о Великой войне как столкновении этих двух народов. Значение, придаваемое сегодня франко-германскому союзу, накладывает свой отпечаток на наше прочтение войны 1914 г.

Но это не единственная причина. Всякая история пишется здесь и сейчас, в данном контексте. Война развернулась на французской территории, перемирие и мир были подписаны во Фран-

ции. Французы воспринимают ее как свою войну, а себя как победителей, принесших огромные жертвы. Англичане, чья армия была сформирована до 1916 г. из добровольцев, оценивают ее иначе: они задаются вопросом о разумности своего участия в этой «абсурдной», по их словам, войне.

Проще говоря, каждая страна склонна выделять в своей памяти о войне эпизоды, которые касаются ее наиболее непосредственно. Каждая страна видит войну как «свою». Так, британцы, отразившие немецкое наступление весной 1918 г., забывают упомянуть о маршале Фоше и французских резервах, а большинство французов забывают о британских потерях на Сомме и т.д. Эти национальные шоры должны быть отброшены, Великая война есть война мировая. Прежде всего, она развертывалась на разных фронтах, а не только во Франции. Русские наступления на восточных фронтах сыграли бесспорную роль в исходе первой битвы на Марне, как и в битве под Верденом. Высадка у скал Галлиполи, кампании в Палестине, Месопотамии, Македонии также имели стратегическое значение. На полях западных сражений сталкивались люди со всего мира. В Британский экспедиционный корпус входили солдаты из всех доминионов, которые имели собственную национальную идентичность. Мобилизованные Францией 8,4 млн включали 6% солдат из колоний: 260 тыс. из Северной Африки, из них 176 тыс. алжирцев, и 215 тыс. из других колоний, из них 136 тыс. сенегальцев. Иностраный легион насчитывал более 15 тыс. человек. Кроме того, чешская армия и две русские бригады в соединении с французской армией воевали в районе Реймса, где павшие погребены на военном кладбище. Итоги потерь подтверждают разнообразие сражавшихся. Разумеется, цифры наиболее значительны у главных сторон: Франция (1 млн 400 тыс., из них 71 тыс. «колонизальных»), Соединенное королевство (761 тыс.), Италия (600 тыс.) и четыре империи: Россия (2 млн) Германия (чуть более 2 млн), Австро-Венгрия (1 млн 457 тыс.) и Османская империя (772 тыс., из них около 40 тыс. солдат умерли от истощения и болезней). Но и доминионы, включая Галлиполи, понесли немалые потери: 6 тыс. австралийцев (все добровольцы), 16 тыс. новозеландцев погибли на войне, а также 61 тыс. канадцев, 54 тыс. индийцев и 7 тыс. южноафриканцев на Западном фронте. Вступив в войну с запозданием, Америка потеряла на полях сражений 1918 г. 90 тыс. человек.

Бельгия потеряла 38 700 солдат, Греция – 26 тыс. Заклучая этот мрачный подсчет, автор констатирует, что в целом из 10 млн павших на долю французов и немцев приходится только треть. Если к этому добавить вклад и других стран в войну, то это окончательно подтвердит ее мировой характер.

Итак, годовщина 1914 г. во Франции не может быть чисто французским мероприятием. Простые посетители и целые делегации приезжают с четырех сторон света на поля сражений и военные кладбища прежней линии фронта. Ежегодно тысячи британцев собираются в г. Тьепвале на Сомме, отмечая пением гимнов годовщину битвы на Сомме, которую игнорируют официальные власти. Что же будет в 1916 г.? Австралийцы приходят тысячами в Фромель (Нор) и в Вилье-Бретонне (место битв на реке Сомма), индийцы – в Нев-Шапель (Па-де-Кале), канадцы и американцы также планируют манифестации. «Названия этих мест, которые ничего не говорят французам, стучат в сердцах этих людей как знамена на ветру. Отмечать годовщину войны, ограничиваясь франко-германским столкновением, было бы исторической близорукостью» (002, с. 140).

Вторым искажением, отмечает А. Прост, было бы сосредоточение на военных операциях. Это значило бы ничего не понимать в Великой войне. На самом деле общества, полностью мобилизованные, были проигравшей или победившей стороной в этой войне, и поэтому она была такой долгой (002, с. 140). Уход в армию миллионов мужчин переложил на плечи женщин, детей, стариков всю тяжесть производства. С 1914 г. они собирали урожай, работали на фермах, и это в то время, когда множество лошадей было реквизировано и не было машин, облегчавших физический труд.

Очень скоро изменились и армии. С сентября 1914 г. французское правительство потребовало у промышленников поставлять 100 тыс. снарядов в день. С марта 1917 по март 1918 г. ежедневное производство снарядов достигало 261 200 штук во Франции, 229 тыс. в Англии и 42 тыс. в Италии. Все три страны производили ежедневно 10 тыс. ружей и 324 пулемета (002, с. 141). Эти впечатляющие результаты потребовали настоящей мобилизации общества в целом: женского и детского труда, увеличения рабочего дня, ночных смен. Необходимость снабжать в первую очередь армию привела к недостатку товаров широкого потребления, к очередям за

продуктами, что вызывало протесты и возмущения. В России Февральская революция 1917 г. началась в Санкт-Петербурге из-за перебоев с хлебом.

Великая война оказалась неслыханным испытанием для всего населения. Она убила 10 млн солдат в устрашающих условиях, погрузив многочисленные семьи в траур. Она причинила гражданским лицам беспрецедентные страдания. И однако она длилась 52 месяца. Отсюда главный вопрос истории войны 1914–1918 гг.: как объяснить, что воюющие народы так долго терпели эту войну?

Остановливаясь на теме «Апогей национального государства и сомнения в нем», Прост отмечает, что этот вопрос опасен. Он вынуждает пересмотреть общепринятые представления не потому, что они неверны, а потому что недостаточны. Современники, как и историки, подчеркивали национальное единодушие при вступлении в войну. Даже забастовки по обе стороны воюющих стран прекратились. Патриотизм нации, поднявшейся против врага, не является достаточно удовлетворительным объяснением. Отчасти уместное для Германии, считавшей себя окруженной, и для Франции, чьи земли были захвачены, оно не подходило для Великобритании, которая не находилась под непосредственной угрозой. И, однако, нигде поддержка войны не проявилась сильнее: вплоть до апреля 1916 г. британская армия состояла преимущественно из добровольцев. Более двух миллионов, не будучи принуждаемы, шли под пули на равнины Фландрии или Пикардии. Австралия, дважды отказавшаяся от принудительного призыва, отправила 33 тыс. добровольцев для участия в битвах за 15 тыс. км и в двух месяцах плавания от своих границ. Война не угрожала непосредственно России и Италии, поэтому их участие в боевых действиях можно объяснить прежде всего личным решением граждан этих стран. Далее начинается мобилизация. Война 1914–1918 гг., при всей ее чудовищности и продолжительности, считает автор, прежде всего, показала тотальную легитимность национального государства. В этом плане Первая мировая война завершает XIX век, отмеченный утверждением национальных государств.

По этой причине нелепо говорить о «европейской гражданской войне», считает французский историк. Понятие гражданской войны означает отрицание государств, поэтому война 1914–1918 гг. является по преимуществу войной национальных государств, то-

тально легитимных для своих граждан и тотально суверенных в защите их национальных интересов.

Война 1914 г. глубоко изменила мировой порядок. На первом, внешнем, уровне она перетасовала карту Европы, создав новые государства: Польшу, Чехословакию, Югославию; она расчленила Османскую империю. Она породила СССР, который преобразил всю международную политику XX в. Центр экономической власти переместился из Лондона в Нью-Йорк, ставший кредитором всего мира: кризис 1929 г. это продемонстрировал.

Но на более глубоком уровне война поставила под вопрос абсолютный суверенитет государств. Государство частично связано с войной, поскольку оно – единственный судья, принимающий решения о национальном интересе и о средствах его соблюдения. Желание, чтобы война не повторилась, привело к необходимости ограничить этот суверенитет. Отсюда идея сообщества наций, межгосударственной инстанции для разрешения конфликтов. Автор отмечает ее успехи и неудачи, прежде всего то, что Вторая мировая война все же была. Она имела те же последствия, что и Первая, но на этот раз привела к возобновлению строительства международного порядка во главе с ООН, однако с новой амбицией, порожденной ужасами геноцида. Отныне речь шла о том, чтобы ограничить суверенитет государств не только в их отношениях с другими государствами, но и в отношении собственных подданных: это Всеобщая Декларация прав человека (1948). Создание объединенной Европы является реализацией на региональном уровне этого проекта умиротворения. На смену веку национальностей приходит век прав человека.

Годовщина 1914 г. дает возможность еще раз поразмыслить над легитимностью государства и ее пределами, заключает автор, поскольку именно Великая война поставила под вопрос абсолютный суверенитет государств, ее породивших (002, с. 144).

Т.М. Фадеева

2014.03.003. ДЖОНС Х. К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИСТОРИОГРАФИИ.

JONES H. As the centenary approaches: The regeneration of First world war historiography // Historical j. – Cambridge, 2013. – Vol. 56. – P. 857–878: [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://journals>.